

**ЗИНАИДА
ГИППИУС**

ЗЕМЛЯ И БОГ

Зинаида Николаевна Гиппиус

Земля и Бог

Аннотация

«Анюта, девушка графини Услищевой, столкнулась с земляком.

Так это странно вышло. Еще зимой. Водила перед вечером Бобку гулять, уж хотела домой завернуть: «Домой, Бобка, домой!» – тут земляк и подвернулся:

– Позвольте вас спросить... вы, значит, нездешние будете? Анюта даже вздрогнула. Вдруг, сразу, на улице, по-русски заговорил. Кто такой? Не господин; одежда на нем худая, рабочий не рабочий, а так...»

Зинаида Гиппиус

Земля и Бог

Анюта, девушка графини Услищевой, столкнулась с земляком.

Так это странно вышло. Еще зимой. Водила перед вечером Бобку гулять, уж хотела домой завернуть: «Домой, Бобка, домой!» – тут земляк и подвернулся:

– Позвольте вас спросить... вы, значит, нездешние будете? Анюта даже вздрогнула. Вдруг, сразу, на улице, по-русски заговорил. Кто такой? Не господин; одежда на нем худая, рабочий не рабочий, а так.

– Тамбовская я, – пролепетала Анюта, застигнутая врасплох.

Ну, он тут и вскинулся:

– А уезда какого? Мы ведь тоже тамбовские, надо же, дело вышло, удача, можно сказать!

Дальше – больше, и не то что уезд, а оказалось, что Петр Сидоров из села Рышниково, которое от Анютиной деревни и от усадьбы графини всего в трех верстах. Сосчитались: свои люди, да и только.

– Я с весны к графине взята, а к Покрову с ней сюда, в заграницу, и поехала, – говорила Анюта радостно. – Да скучно очень. Писем из деревни не шлют. Графине управляющий пишет... А вы-то как здесь?

– Я-то... Я доле... Я уж вот с того, значит, июня тут путаюсь... Очень уж приятно было встретиться... Так не пишут вам, как там, что?..

Анюта вдруг вспыхнула и съежилась. Вспомнила разные дела и толки еще там, в деревне, и здесь кое-что слышала, хоть мало. Испугалась.

– Да вы как же, если из нашего села? Были там у нас, забрали их... А кто, говорят, убегли...

– Мне, извините, партия помогла скрыться, – сказал Петр. – Потому что я сознательный.

– Ах ты, Господи! Худые дела, значит, за вами водились?

– Никаких худых делов, кроме хороших, не было, – сказал опять Петр внушительно. – Серые мужики бунтовали, а мы сряду в партию. С тем и ушли.

Анюта не понимала и не стала бы с ним, пожалуй, разговаривать, да уж очень как-то тепло ей сделалось, ихний мужик из Рышкова стоит посреди чужой улицы, свой, и говорит на своем языке. И глаза у него такие добрые, лицо исхудалое. Сам, видно, рад.

Рассказал, что бедствует. Нынче есть работа – завтра опять гонят. Так перебивается. В ночлежке спит.

Хотела Анюта сказать, чтоб он к ним на кухню зашел, графиня добрая, – да вдруг вспомнилось, как графиня их, эдаких, боится... Лучше не надо. Прогонит.

После того они часто стали встречаться. Как нет у него работы – так уж он на углу маячит, Анюту дожидается.

Она ему иной раз хлеб носила. Страсть что на кухне остается. О делах его не расспрашивала, а все больше они о деревне говорили, родных-знакомых вспоминали.

Раз, впрочем, Анюта сказала:

– Вот вы говорите – партия, люди, что ли, такие, вам помощники, а где ж они, там, что ли, остались? Теперь же вам на чужой стороне одному без хлеба...

Петр насупился.

– Это вы, Анна Митрофановна, понять не можете. А я очень хорошо понимаю. Был я, значит, крестьянин, ну для партии, конечно, интерес... А теперь я что? Живу в парижской столице без пропитания. Вообще, мало ли таких? Пролетарий не пролетарий, словом – эмигрант. Партия мне всегда помочь согласна, однако, она не может же всем. И такой партии эмигрантской даже вовсе не существует. Есть касса. Ну она тоже бедная. Три франка мне на той неделе выдала.

Анюта вздыхала и соглашалась:

– Да что ж, я этого понять не могу...

Только очень жалко ей было, и сердце к нему странно как-то рвалось.

Они гуляли по маленьким, каменным, чистым и холодным улочкам. Иногда она провожала его через мост, и они вместе шли по шумному бульвару. Чуждо было до уныния.

Вспыхивали огни магазинов, все ехало, шло, визжало, пытело, переваливалось, толкалось, скрипело, звенело, колыhalось, переливалось... двигалось, не двигаясь, точно за-

водная игрушка бегала по кругу.

– Суетня-то, Господи, – вздыхала Аня.

Петр пожимал плечами.

– Известно, столица. Я в Петербурге извозчиком три месяца ездил раз... Ну, тоже...

– Нет, здесь люди все какие-то куцые. Я с графиней тоже в Петербурге была. Не люблю я этого.

– Конечно. Если кто не привыкши, а к своему делу дома приставлен.

Аня спешила домой. Чужой город не занимал и не соблазнял ее. Вот только и есть в нем, что этот свой человек, со своей стороны.

Раз, перед вечером, уже к весне, сошлись они у одного садового мостика. И Петр сказал ей:

– Кабы мне теперь домой вернуться, я бы вас за себя взял, Анна Митрофановна. Пошли бы?

Она вся раскраснелась.

– Я к деревенской работе привычная. У графини ведь я так пока что. Она любит своих девушек брать. Поедет назад – я домой уйду.

– Пошли бы, значит, за меня-то? В Рышкове наш дом хороший был, сами знаете... Одна невестка, братняя, это, жена... Ну и отец.

Вдруг остановился. О чем говорят? Ведь ничего этого нет...

– Но как, значит, теперь я пролетарий и эмигрант, то вы

домой приехавши, за другого парня выдете...

– Никогда я вас, Петр Сидорович, не забуду, – сказала Аня и заплакала.

– Нам уж не до того, – продолжал Петр жестоко. – Нам чужой хлеб теперь осталось есть, да и его нету... Куда пойдешь? Своих много, чересчур даже... Лихом не поминайте...

Аня плакала.

– Что уж вы... Может, Бог даст...

– Бог даст? Чего там Бог даст? Может быть, и Бога-то никакого нету...

Аня испугалась, и даже плакать перестала. Глядела на него серыми, простыми глазами.

– Как так нету? Бог-то, Он видит... Петр помолчал, накупившись.

– Видит, да не слышит. Правду говорили товарищи: врут все попы... А коли и не врут, так где Он, Бог-то? Здесь, что ли? Там Он у нас остался. Сюда не хватает.

– Петр Сидорович, – залепетала Аня, хватая его за рукав. – Я вас никогда не забуду и не покину никогда... Вы не отчаивайтесь. Бог через добрых людей помогает. Что тут-то жить? Какое уж житье? Лучше, коли что, дома помирать... А здесь что?

Уж совсем весна пришла – и не заметили. Вверху где-то весна была, в небе, а камни не потеплели, все такие же. И люди все так же, одинаково, лились, переливались, ехали, зве-

нели и шумели, все так же, не больше, хотя был праздник. Графиня сказала Анюте, что праздник, что Пасха. Анюта удивилась. Какая же это здешняя Пасха? Не похоже. Ничего нет.

И еще что-то сказала ей графиня, от чего у Анюты сердце захолонуло сначала радостью, а потом болью, и боль и радость вместе сплелись в непонимающей тоске.

Побежала к Петру на свиданье, ноги подкашивались.

Он опять голодный, неделю без работы, только дверцы автомобильные отворял, ну, просто сказать – подаяние. Глаза так и блестят.

– Христос воскрес, – сказала Анюта нерешительно.

– Ах, это что Пасха ихняя? Так что? Уж эта мне Пасха!

С голоду и так дохну...

– Они этого не понимают.

– Верно, не понимают. Чего с них спрашивать. Пошли, сели на лавочку. Тут тише. А Пасхи, действительно, никакой не было. Анюта вся дрожала, не знала, как сказать ему.

– Я уж и дни потерял, – начало Петр. – Наши-то праздники были ли, нет ли, не знаю... У нас служба хороша, ребята певчими, я сам сколько раз...

Анюта набралась храбрости:

– Петр Сидорович! Я, конечно, многого понимать не могу, а только вы не осудите... Я вас так полюбила, что я теперь за вами всюду... У меня сердце на весь слезами исходит... Здесь не житье. Вот вы говорили – праздники. Нам-то

Христос воскрес еще через две недели. Как нынче графиня сказала мне, чтоб собираться, что мы домой, в деревню, к праздникам поедем, – так уж я и не знаю... И рада-то я да и вас-то как же?..

– Вот оно что. Домой, значит, едете? В нашей Рышковской церкви заутреню стоять будете? Так... Ну, что ж, кланяйтесь нашим, не забывайте ваших. А мне, значит, в эту ихнюю Сену головой. Давно уж подумываю. Никуда все одно не податься.

Анюта и плакала, и за руки его хватала, молила:

– Да вы послушайте, послушайте...

– Чего послушать? До свиданьица. Вам своя доля, мне своя.

Но вдруг все удалство намученное с него слетело, губы распустились, глаза часто замигали, и сделался он весь простым глупым тамбовским парнем, серым земляным мужиком. Всклипнул жалко и шмыгнул носом.

– Да как же, Аннушка? Что ж это? Едешь, значит? А я-то куда денусь? Только и было, что ты... Вправду, что ль, в воду мне?.. А грех-то?

Анюта повторяла:

– Грех, грех это...

– Я убег бы давно, коли б не ты... До границы б только добраться. А там хоть пропадай...

Ничего было не разобрать в его путаных словах, но Анюта все разобрала. И стали они говорить, и согласились понемно-

гу. Почти и говорить было нечего.

– Я скрываться стану. А коли что – хуже не будет. До сердца уж дошло. Мне бы своих повидать. Хоть на праздники тайком доберусь. Здесь товарищи расскажут, как ловчее, потому я не знаю, а только денег много надо. Пожалуй, пятьдесят франков сразу надо.

У Анюты было зажитых сорок пять. Она их с собою принесла; вынула из платка, сует.

– Голубчик, люди добрые там помогут. И Бог-то на что? Мне не понять многого, а только беги ты отсюда. Где земля, там и Бог. А здесь нам не житье.

Хоть смерклось, и пустынно было в глухой улочке, но Анюта не смела его обнять, только глядела ему в глаза, такие родные, глупые и простые.

– Я ведь не худое что, – твердил Петр. – Ну, может, и возьмут. Мне, во-первых, на призыв идти, да это пустое. А то и в Сибирь... И Сибирь – земля русская... Здесь-то лучше, что ли?

– А я тебя нигде не покину, – сказала Анюта твердо. – Небось и в Сибири Христос-то воскрес.

Она обещала еще урваться, прийти к мосту. Но разойтись они долго не могли. Анюта обещала, как приедет, сбегать в Рышково, тайком поклон снести. Жив, мол, здоров, домой будет; а только помалкивайте, когда – неизвестно.

– Я ее, землю-то свою, увижу, а там что Бог пошлет, – говорил Петр. – Ты виду не показывай. Авось, живы будем.

Анюта утерла глаза и усмехнулась.

– Ну, прощай. Как только можешь – так и беги. Не жди. Письмо мне пришли откудова-нибудь. В заутреню в Рышкове будем – попомню тебя. Как запоют первый Христос воскрес, так с тобой похристосуюсь. Во второе, значит, воскресенье...

Он потянулся к ней – и они вдруг истоиво, трижды поцеловались.

Совсем стемнело. Кто-то мимо проходил, звонко и грубо стуча каблуками. Из темноты послышалась насмешливая и сочувственная фраза на чужом языке. Ну, разве они понимают? Разве у них воскрес Христос?

Анюта напрасно ждала у моста через несколько дней. Петр не приходил. Она испугалась было, но потом обрадовалась. «Заторопился, верно, – подумала она. – Убежал».

Через две недели Анюта, принаряженная, в розовом кашемировом платье, стояла в холодной, медленно согревающейся, рышковской церкви. Ждала. Тихо шелестя и вздыхая, собирался народ. Звездами загорались огоньки свечек. Собирались, толпились, ждали, все ждали. Знали, что воскреснет, вот сейчас воскреснет, и весь воздух в церкви притаился и ждал, а когда потянулись крестным ходом – Анюта увидела, что вся земля, холодная, едва оттаявшая, ждет, и звезды на черном небе чуть шевелятся, – и они ждут. Вот сейчас воскреснет, а когда воскреснет – неизвестно еще, что будет, может быть, все другое, все переменится и начнется

радость...

Под розовым платьем у Анюты письмецо на груди. Маленькое, грязное, на сером клочке: «Анна Митрофановна, здравствуйте, и Христос воскрес, и воистину. Довожу до сведения, что я благополучно в городе Волочиске и отсюда еду вскорости. А что вы обещались, о том помню ежечасно и вообще в груди ношу. Кланяюсь земно вам и всему нашему дому, и Мишутке, а о чем обещались, помните. Известный вам». Подписи не было, но Анюте и не нужно. Бежал, значит! Давно. Может, здесь уж где-нибудь, близко. Помог Бог. Тут уж Он не оставит.

Дребезжащим, стареньким голоском запел при дверях храма седой батюшка: «Христос воскрес...» Горячие восковые капли падали со свечи на руки Анюте. Горячая, радостная муть застилала ей глаза. Все – близкие, все – родные, все – горькие, все радости ждущие, вечно верящие в обещание радости. Ждут темные люди, ждет темная земля...

«Христос воскрес».

Много дней прошло... Идут дни... Анюта помнит обещание. Где же Петр? Куда он девался?

Он придет. Он где-нибудь совсем близко. Ведь он вернулся.

Или Бог ему не помог? Или Христос еще не воскрес?